

Хелен Либерти

На руинах
прошлого

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хелен Либерти

На руинах прошлого

<https://litres.ru/74596563>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они встретились слишком рано.

Она была девочкой, которая верила в первую любовь. Он был тем, кто не позволил себе сделать шаг навстречу.

Между ними всегда было слишком много «нельзя». Слишком много причин держаться подальше, чужих ожиданий и страхов, которые оказались сильнее их самих.

Прошли годы. Они изменились, но прошлое никуда не исчезло.

Теперь им придется снова встретиться с тем, от чего они так долго убегали. С чувствами, которые не смогли забыть. С обидами, которые до сих пор болят. С ошибками, которые однажды разрушили все.

Они уже не те, кем были раньше. Их любовь больше не похожа на юношескую мечту.

Это история о том, как сложно вернуться туда, где когда-то все сломал. О том, как тяжело простить и поверить снова. О том, что иногда самые важные люди в жизни оказываются теми, кому мы причинили больше всего боли.

Но даже среди руин иногда можно найти то, ради чего стоит попробовать еще раз.

Содержание

Дисклеймер	5
Плейлист	7
Иногда даже после самой большой боли можно снова выбрать друг друга, простить, начать сначала и построить что-то новое.	9
Пролог	10
Глава 1	20
Глава 2	41
Глава 3	53
Глава 4	65
Глава 5	72
Глава 6	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Хелен Либерти

На руинах прошлого

Дисклеймер

В книге присутствует контент, который может быть неприятен или тяжел для некоторых читателей.

- Ненормативная лексика.
- Откровенные сцены сексуального характера 18+.
- Сцены насилия, драк и жестокости.
- Упоминания оружия, стрельбы и крови.
- Криминальная тематика.
- Угрозы жизни и здоровью персонажей.
- Тяжелые травмы, аварии и госпитализация.
- Тема беременности и отцовства.
- Сложные, конфликтные и эмоционально болезненные отношения.
- Ревность, ложь, тайны и предательство доверия.
- Сцены употребления алкоголя.
- Герои совершают ошибки, принимают спорные решения и далеко не всегда ведут себя правильно.

Все персонажи, участвующие в откровенных сценах, совершеннолетние.

Книга является художественным произведением. Автор не романтизирует насилие, преступления и опасное поведение и не призывает повторять действия персонажей.

Истории лучше читать по порядку:

- **Первая книга — «Мы, которых не было».**
- **Вторая книга — «На руинах прошлого».**
- **Остальные истории этой серии пока находятся в процессе написания.**

Плейлист

На руинах прошлого — Хелен Либерти
Преданный бывший — ANNA ASTI
Пульс — Static Love
Стала огнём — Айван, FURSOV, TUSOVKA
Без тебя — ANNA ASTI
Никак — AMELI
Back Again — Riku Rajamaa, Stanfour
Забыть твою улыбку — KADYROV
Целую тебя наугад — Группа 888
Любовь это? — Sergey Kirillov
Смириться — RYZE
Залечи — ANNA ASTI
Города — TRITIA
Заберу себе тебя — Stories violet
Пообещай — ANNA ASTI
Заплаканная — MONA
К тебе — TRITIA
Будь моей — qost
Так скучаю — Nariana
Старый город — TRITIA
Драмы — Айван
Последняя любовь — MONA, Лолита

LOVE AGAIN — XOLIDAYBOY

Мост — Bessonnica

Любовь нас не спросит — Imanis

ДВА ДУРАКА — NALYRA, Sansara

Координаты Сердца — АТМА

Ты - мой огонь — Imanis

Чувства — iOSTRA

Black Black Heart — KARMAI

Яд Под Кожей — Stories violet

Я тебя тоже — Плоть и Код

Başa Sar — Ege Can Sal

В твоих глазах целая жизнь — D1N

In the Shadow (Sunday Morning) — Broken Door

Всё сжигает изнутри — Рося Федин

Беспощадная сука, стерва — ТИМАНИО

Алло — Братья Поздняковы

Ошибкой — Теллер

Драмы — Айван

**Иногда даже после самой большой
боли можно снова выбрать
друг друга, простить, начать
сначала и построить что-то новое.**

Пролог

Даша — 23 года; Кирилл — 26 лет

Даша:

Говорят, любовь живет три года, но моя любовь к Ларионову живет гораздо дольше. Мы бежали друг от друга почти всю нашу жизнь. Сначала он от меня, потом я от него. Мы причинили друг другу столько боли, что нормальные люди, наверное, давно бы поставили точку и разошлись в разные стороны. Но я все еще люблю его больше жизни.

Та юношеская любовь, которую я носила в себе с тринадцати лет, давно стала чем-то большим. Тем, что невозможно просто взять и вырвать из себя.

Кирилл Ларионов украл мое сердце в день моего тринадцатилетия. Ему было шестнадцать, но выглядел он совсем по-взрослому. Высокий, сильный, с широкими плечами, светло-русыми волосами, голубыми глазами и этой легкой дерзкой улыбкой, от которой у половины девчонок в школе подкашиваются ноги. Да что там у половины. По нему сходит с ума практически каждая.

Вместе с Сашей, Стасом и Максом он считается одним из самых популярных парней в школе. Девчонки готовы на все, лишь бы оказаться рядом с ними, но именно Ларионов запал

мне в душу.

Я уже тогда писала. В тетрадях, на листочках, в заметках телефона, где угодно. Придумывала героев, ссоры, признания, драму на ровном месте и, конечно, большую любовь, потому что в четырнадцать лет без большой любви вообще никак. Саша иногда подкалывал меня из-за этих историй, но все равно относился к ним бережно. А Кирилл как-то увидел пару страниц и почему-то запомнил.

В тот день рождения он подарил мне тонкий серебряный браслет с маленькой подвеской в виде пера, и от этого подарка я чуть ли не расплакалась от счастья.

Это перо стало для меня чем-то большим, чем украшением. Оно оказалось маленьким доказательством, что Кирилл заметил важную часть меня. Мои истории. Мою дурацкую мечту когда-нибудь написать что-то стоящее.

Однажды он зашел ко мне в комнату поздороваться, пока Саша что-то искал на кухне, и совершенно случайно заглянул через мое плечо, успев прочитав несколько строчек.

Воспоминание:

— Рыжик, это ты написала? — спрашивает он с искренним удивлением.

— Да, — тихо отвечаю я, чувствуя, как начинают гореть щеки, и поспешно заправляю за ухо выбившуюся прядь.

— У тебя очень хорошо получается, — Кирилл кивает на экран ноутбука, где открыт вордовский документ, а я сму-

ценно улыбаюсь. — Я теперь хочу узнать, что будет дальше между Лилиан и Фабио.

— Да это так... Просто баловство, — смущенно бормочу я. — Ничего серьезного.

— Знаешь, иногда баловство превращается в дело всей жизни, так что подумай об этом, — с улыбкой отвечает Кирилл.

Он уже доходит до двери, но вдруг останавливается, возвращается ко мне, наклоняется и легко целует в щеку. Я не успеваю даже отреагировать, а он уже отстраняется с довольной улыбкой и снова идет к выходу.

— Пока, Рыжик.

Именно с того дня все и началось. После его слов про мои истории, после этого дурацкого поцелуя и его улыбки я окончательно пропала.

Когда ребята приходят к нам домой всей компанией, я стараюсь оказаться где-нибудь поблизости. Делаю вид, что мне срочно нужна вода, зарядка от телефона, учебник из гостиной или еще какая-нибудь ерунда, лишь бы выйти из комнаты и хотя бы на пару минут оказаться рядом. Мне хватает любой мелочи: его смеха за стеной, короткого

«привет», случайной улыбки. Даже этого достаточно, чтобы потом весь вечер сидеть перед открытым файлом и придумывать героям такие признания, которые сама в жизни сказать бы не решилась.

Они снова сидят у Саши в комнате буквально через стен-

ку от меня. Я слышу, как смеется Кирилл, и больше всего на свете хочу, чтобы причиной его хорошего настроения однажды стала я.

Дверь моей комнаты распахивается, и на пороге появляется Саша.

— Рыжик, — окликает он меня и заходит внутрь. — Мы сейчас отъедем. Не знаем, когда вернемся. Родители тоже уехали к кому-то в гости, я не запомнил к кому, и будут поздно. Если мы приедем позже них, скажи, что ушли на тренировку. И ты главное не чуди.

Отрываюсь от ноутбука и хмурюсь.

— Саш, ну что ты со мной как с маленькой? Я уже взрослая.

— Давай, взрослая, не шали, — бросает брат уже на ходу и закрывает дверь.

Вот и поговорили.

Я падаю обратно на кровать и утыкаюсь взглядом в потолок. За стеной снова раздается смех Кирилла, и внутри сразу неприятно тянет. Он рядом. Буквально в нескольких шагах. Мне хочется выйти, перекинуться с ним хотя бы парой фраз.

Через какое-то время голоса за стеной затихают. Я лежу еще минуту, потом все-таки поднимаюсь. Надо проверить, ушли они или нет. Ну и, может быть, получится увидеть Кирилла.

Выхожу из комнаты и сразу слышу разговор на кухне. Значит, парни все еще дома.

Подхожу ближе, заглядываю в дверной проем и вижу привычную картину. Макс с аппетитом жует бутерброд, Саша наливает воду, Стас стоит рядом, а Кирилл смотрит в телефон, с кем-то переписывается и улыбается краем губ.

Кому он там улыбается?

От этой мысли меня сразу накрывает ревностью. Я одергиваю футболку, натягиваю на лицо спокойствие и захожу на кухню.

О, Рыжик вышла из берлоги! — первым замечает меня Макс и тут же расплывается в улыбке. — Что, пришла проводить любимого брата или просто соскучилась по нашей прекрасной компании?

Я закатываю глаза.

Просто воды попить, — спокойно отвечаю я и подхожу к столешнице, где стоит стеклянный кувшин с водой.

Стас приветливо кивает мне, а Саша сразу оборачивается.

— Рыжик, только ничего не натвори, пока нас не будет.

— Саш, мне четырнадцать, а не три года.

— Иногда я в этом не уверен, — смеется брат, заставляя остальных улыбнуться.

Недовольно фыркнув, я наливаю себе воду и всеми силами стараюсь не смотреть в сторону Кирилла, потому что прекрасно знаю, что стоит мне встретиться с ним взглядом, как сердце снова начнет стучать где-то в горле.

— Отстань от ребенка, Сокол, — смеется Макс.

— Вот именно, — поддерживает его Стас.

— Рыжик у тебя вполне адекватная.

— Спасибо, Стас, — улыбаюсь я.

— Не благодари.

И только Кирилл почему-то молчит, продолжая смотреть в телефон и улыбаться, а мне до ужаса интересно, кто вызывает у него улыбку.

Даш, какая же ты дура. Ревновать человека, который даже не подозревает, что ты в него влюблена, — это, наверное, уже диагноз. Причем запущенный.

— Даш, я серьезно, не шали. Сиди дома и никуда не ходи. Мы не знаем, когда вернемся.

— Да знаю я, знаю, — бурчу я.

— Все, Сокол, пошли уже, а то тренер нас убьет, — Макс первым поднимается со стула и, дожевывая бутерброд, направляется в коридор.

— Он тебя в любом случае когда-нибудь убьет, — хмыкает Стас.

Сашка тоже встает и, схватив спортивную сумку, в очередной раз смотрит на меня.

— Рыжик, дверь никому не открывай.

— Саш, хватит.

— Просто переживаю.

Парни дружно смеются, а я только закатываю глаза и делаю глоток воды.

Кирилл наконец отрывается от телефона. Его голубые гла-

за цепляются за меня, и на лице появляется та самая легкая дерзкая улыбка, от которой у меня предательски слабеют колени. Он задерживает на мне внимание чуть дольше обычного, а потом подмигивает.

Я стараюсь сохранить спокойное лицо, но щеки предательски начинают краснеть.

— Пока, Рыжик, — с улыбкой говорит Кирилл, уже направляясь к выходу.

— Пока, — едва слышно отвечаю я.

Они выходят в коридор, а я остаюсь на кухне, но все еще слышу их голоса. Почти у двери Макс громко бросает Кириллу:

— Кирюха, а когда ты наконец позовешь на свидание ту крошку? Она тебе уже третий раз пишет, а ты все тянешь.

От этих слов становится так больно, что даже дышать тяжело.

— Отстань, Макс, — со смешком отвечает Кирилл. Входная дверь за парнями закрывается, оставляя меня одну в тишине.

Конечно, для него я всегда буду только младшей сестрой его лучшего друга, и не больше.

Я ставлю стакан на стол и возвращаюсь в комнату. Закрываю дверь, прислоняюсь к ней спиной и опускаю глаза на браслет с пером. Еще недавно он казался мне почти волшебным, а сейчас выглядит просто тонкой цепочкой на руке глухой девчонки, которая слишком много напридумывала.

Соколова, успокойся. Вы никогда не будете вместе. И чем быстрее ты это поймешь, тем лучше для тебя самой.

Перевожу взгляд на стол. Там лежит тот самый буклет: плотная бумага, аккуратные фотографии здания, зеленая территория, девочки в одинаковой форме и улыбающиеся преподаватели. Все такое красивое и далекое, что раньше меня от одной мысли об этом начинало мутить.

А сейчас смотрю на название школы и понимаю: далеко — это как раз то, что мне нужно.

Наше время:

Три года я проучилась в Англии. Хорошее было время. Спокойное. Я правда думала, что забуду Ларионова. Что моя любовь останется где-то там, в Москве.

Но чуда, конечно, не случилось. Я как любила его, так и люблю.

И вот сейчас, спустя столько лет, жизнь снова сталкивает нас лбами. Только теперь Кирилл выбирает нас. Наши чувства. Все то, от чего когда-то сам отказался.

Мы слишком много боли оставили за спиной. Слишком много разрушили своими руками. И все равно решили попробовать заново. С чистого листа уже не получится, у нас его давно нет. Мы стоим посреди руин своих отношений и пытаемся построить на них что-то живое.

Только у жизни, как всегда, свои планы.

Иногда мне правда кажется, что нам просто не суждено

быть вместе, потому что каждый раз на нашем пути новое препятствие. И сейчас я боюсь, что в этот раз нас разлучили навсегда.

Я сижу под дверями операционной и с каждым вдохом чувствую, как сердце бьется быстрее. Саша держит меня за руку так крепко, что почти больно, но я молчу. Ему тоже страшно. Кирилл для него не просто лучший друг. Он семья.

Оглядываюсь на ребят. Макс стоит у стены и пытается выдать улыбку, как будто еще может хоть как-то сгладить этот тяжелый накал, но улыбка тут же ломается. Стас молчит, сцепив руки перед собой, и от этого молчания становится еще хуже.

Мы ждем вердикт.

Один ответ врачей, который может разделить нашу жизнь на до и после.

— Даш, — тихо произносит брат. Я поднимаю на него глаза.

— Что?

Саша смотрит на меня, открывает рот, но так ничего и не говорит. Просто сильнее сжимает мою руку.

И правильно.

Сейчас любые слова будут звучать жалко.

Двери операционной открываются.

Я вскакиваю с места так резко, что перед глазами темнеет. Саша поднимается вместе со мной и все еще держит меня за руку. Макс отталкивается от стены. Стас делает шаг вперед.

К нам выходит врач. Маска спущена на подбородок, на халате темные пятна, лицо уставшее.

Я смотрю на него и забываю, как дышать.

Он переводит взгляд с Саши на меня.

— Мы сделали все, что смогли.

Глава 1

Даша — 19 лет; Кирилл — 22 года.

Даша:

Огни клуба кружат голову, словно специально пытаются вытрясти из меня все мысли. Сегодня мне девятнадцать, и я наконец решаю отметить день рождения по-человечески. Только я и моя подруга.

Прошлый день рождения я почти не помню. В день моего восемнадцатилетия умер папа, и после этого все остальное просто перестало иметь значение. Какой там праздник, подарки, поздравления, когда человека, который был для тебя целым миром, больше нет.

Я долго не могла с этим смириться. Даже с мамой у нас никогда не было такой близости, как с ним. Я всегда была папиной принцессой, его радостью и маленькой бунтаркой, а после его смерти словно потерялась сама.

Вместе с ним из моей жизни ушла какая-то очень важная часть меня, и долгое время я вообще не понимала, как жить дальше без нее.

— Даш, ты чего опять зависла? — голос Маринки выдергивает меня из мыслей.

Я моргаю и только сейчас понимаю, что уже какое-то время стою с бокалом в руке и смотрю куда-то мимо людей.

Быстро натягиваю улыбку, чтобы не объяснять, куда меня опять унесло, и поворачиваюсь к ней.

Маринка очень красивая. Чуть ниже меня ростом, с длинными темными волосами, а черное платье на тонких бретелях идеально подчеркивает ее фигуру. Мы вместе учимся на издательском деле в РГГУ. Хорошая девчонка. Близкими подругами нас не назовешь, но и совсем одной оставаться мне тоже не хочется. Потому что лучшая подруга у меня уже была — Милена.

Мы познакомились в интернете, когда обе еще писали фанфики, и как-то очень быстро стали друг другу почти сестрами. Сначала обсуждали тексты, потом незаметно перешли на все остальное. Делились секретами, жаловались друг другу на жизнь, плакали из-за парней, обсуждали книги, мечтали и могли болтать ночами напролет, пока одна из нас не начинала буквально засыпать с телефоном в руке.

Блин, как же я по ней скучаю...

Иногда до сих пор ловлю себя на желании написать ей какую-нибудь ерунду. Скинуть смешную картинку, пожаловаться на учебу, рассказать что-то, что поймет только она. А потом вспоминаю, что больше некому это отправлять.

В тот год я потеряла не только папу. Милена тоже исчезла из моей жизни.

У них с Сашкой тогда что-то закручивалось. До встречи дело так и не дошло, но я видела, как брат менялся после каждого ее сообщения, и искренне радовалась за них обоих.

Постоянно подкалывала Милену, а она отнекивалась, хотя сама могла часами рассказывать мне про Сашу. А потом однажды просто пропала.

Сначала я думала, что она обиделась. Потом — что что-то случилось. Писала ей снова и снова, проверяла сообщения, заходила на ее страницу, ждала хоть какого-то объяснения. Но его так и не было. Ни мне, ни Сашке.

В один момент мы все стали ей не нужны.

Наверное, именно это до сих пор не дает мне покоя. Я так и не поняла, как человек, который еще вчера называл тебя сестрой, знал о тебе почти все и был рядом каждый день, может просто взять и исчезнуть из твоей жизни.

Я злилась на нее очень долго. Иногда до сих пор злюсь. Потому что скучать по человеку, который сам решил уйти, до ужаса обидно. В тот год папа ушел от меня навсегда, а Милена могла остаться. Но тоже исчезла.

— Даша, твою бабушку, ты тут вообще? — Маринка толкает меня в плечо сильнее.

— Ой, Марин, прости... Задумалась, — криво улыбаюсь я и делаю большой глоток своего «коктейля». Хотя какой, нафиг, коктейль. Виски с колой, и побольше виски.

— Если ты не задумалась о том красавчике, который уже минут десять тебя глазами раздевает, то я даже не знаю, что тебя так вырубило, — ухмыляется она и кивает в сторону соседнего столика.

Я перевожу взгляд.

Сердце делает резкий кульбит.

Кирилл.

Я его почти год не видела. С тех пор как Сашка встал во главе папиной фирмы, Кирилл стал его правой рукой после Алексея. Постоянные разъезды, командировки, встречи... Мы просто перестали пересекаться.

А я так скучала по тем временам, когда Сашкины друзья вваливались к нам домой шумной и наглой компанией. Макс первым лез на кухню искать еду, Стас ворчал на него, Саша пытался всех перекричать, а Кирилл... Кирилл просто был рядом. Иногда этого мне уже хватало.

Еще сильнее я любила их репетиции. Саша иногда брал меня с собой, и я делала вид, что мне ужасно интересно слушать, как они по десятому разу спорят из-за одной и той же песни. На самом деле большую часть времени я смотрела на Ларионова. Как он играет, смеется с ребятами, проводит рукой по волосам, иногда ловит мой взгляд и улыбается. После таких вечеров я потом еще долго прокручивала в голове каждую мелочь, которую он сказал или сделал.

Глупо, конечно. Но мне тогда хватало даже этого.

Я влюбилась в него еще в тринадцать и была уверена, что со временем пройдет. Все вокруг любят повторять, что первая влюбленность быстро заканчивается. Моя почему-то не закончилась. Я уехала, стала старше, вокруг появлялись другие парни, а стоило мне увидеть Кирилла или просто услышать его имя, и все начиналось заново.

Для него же я всегда оставалась маленькой Дашкой, сестрой друга. Он мог взъерошить мне волосы, стащить что-нибудь с моей тарелки, поддеть какой-нибудь дурацкой шуткой или встать рядом, если меня кто-то обидел. Для него все это было обычным делом, а я потом сидела у себя в комнате и разбирала по косточкам каждую его улыбку, пытаюсь найти там хоть что-нибудь кроме братского отношения.

Пальцы сами находят браслет на запястье, и я начинаю крутить тонкую цепочку. Тот самый браслет, который он подарил мне много лет назад.

Кирилл тоже меня замечает.

И вот теперь он смотрит совсем не так, как раньше. Его взгляд медленно проходит по мне — плечи, талия, ноги — и привычного отношения к младшей сестре друга в нем уже нет.

Мы смотрим друг на друга через весь зал, и никто не собирается отводить глаза первым. Сердце колотится где-то в горле, но я продолжаю спокойно держать его взгляд.

Холодная голова, Дашка. Ты не сдашься.

Ларионов резко встает и идет в мою сторону.

Черт...

Пока Кирилл приближается, успеваю рассмотреть его по-лучше. Черное поло плотно облегает широкие плечи и грудь, темные джинсы дополняют привычный образ. Они с Сашей почти всегда ходят в черном. Да и вообще вся их компания помешана на тотал блэк. Увидеть кого-нибудь из них в чем-

то другом — уже почти событие.

Когда между нами остается всего пара шагов, замечаю, что он подстригся. Светло-русые волосы стали заметно короче, а виски выбриты почти под ноль. С этой прической он выглядит старше, жестче и, черт возьми, еще сексуальнее.

— Привет, Рыжик, — низкий голос раздается совсем близко, и теплая ладонь ложится мне на спину чуть ниже лопаток. — Какими судьбами ты тут?

Он серьезно?

Я медленно поворачиваю голову и приподнимаю бровь, стараясь, чтобы голос звучал насмешливо, а не выдавал, что творится со мной от одного его прикосновения.

— Ты не помнишь, что у меня сегодня день рождения?

Кирилл на секунду замирает, а потом хлопает себя ладонью по лбу.

— Точно. Даш, прости. С этой работой совсем голова отвалилась, да и не виделись мы давно. С днем рождения.

Он наклоняется и целует меня в щеку.

И вот тут вся моя уверенность почти летит к чертям. В нос ударяет знакомый запах его парфюма — можжевельник, терпкий черный чай, бергамот и теплый кедр. Черт, я и забыла, как охрененно пахнет Ларионов. Его тепло, дыхание, близость — всего слишком много. Я сжимаю пальцы вокруг стакана так сильно, что белеют костяшки, пытаюсь хоть так вернуть себе самообладание.

Спокойно. Не таять. Ты уже не та тринадцатилетняя

девчонка.

— Спасибо, — быстро беру себя в руки и одариваю его самой уверенной улыбкой, на которую сейчас способна. — А ты тут какими судьбами? И с кем ты?

Спрашиваю специально, бросая якобы непринужденный взгляд через его плечо на столик.

Там два незнакомых парня и две девицы, которые выглядят так, словно пришли сюда не отдыхать, а искать себе богатого папика: короткие платья, глубокие вырезы, яркий макияж.

Ревность накрывает моментально.

Да, Кирилл всего лишь друг моего брата, но это никак не отменяет того факта, что меня ужасно раздражает видеть его в компании этих куриц. С первого взгляда понятно, на что у них ставка. Мозгов — кот наплакал, зато сиськи, губы и задницы — полный комплект.

— Это деловая встреча, — спокойно отвечает он и, не спрашивая, делает глоток моего коктейля через трубочку.

Он стоит так близко, сердце колотится с такой силой, что мне уже начинает казаться, Кирилл тоже его слышит. А если заметит это, обязательно отпустит какую-нибудь колкость. Меньше всего мне хочется давать ему такой повод для язвительных комментариев.

Забираю у него стакан и медленно обхватываю губами трубочку ровно там, где только что были его губы. Делаю глоток, не отводя от него глаз.

— Деловая, значит? — спрашиваю насмешливо. — А эти две деловые девушки у вас для переговоров или моральной поддержки?

Ревность все еще жжет изнутри, но я улыбаюсь. Дерзко. Вызывающе. Пусть видит, что я уже не та маленькая девчонка.

— А ты ревнуешь, Рыжик? — Кирилл с легкой усмешкой заправляет мне за ухо выбившуюся прядь. Его пальцы слегка касаются шеи, посылая тонну мурашек по коже.

— Сдался ты мне, чтобы я тебя ревновала, — фыркаю я и специально отвожу взгляд в сторону Маринки.

Та сидит, подперев голову рукой, и с откровенным интересом наблюдает за нашим спектаклем.

— А мне кажется, ты все-таки ревнуешь, — он щелкает меня по носу, как маленькую девчонку. — Но не переживай, ты одна у меня в сердце.

— Ой, Кирилл, — отмахиваюсь я, стараясь выглядеть равнодушной. — Ты это каждой девушке говоришь. Но то, что я в твоём сердце, — тыкаю пальцем ему в грудь, чувствуя под тканью поло твердые мышцы, — я и так знаю. Там для других места просто нет.

Ларионов мгновенно перехватывает мою руку и притягивает меня ближе. Я поднимаю глаза и встречаюсь с его взглядом. Сейчас он совсем другой. Нет той самой привычной дружеской насмешки. Он смотрит на меня как мужчина на женщину, и от этого внутри все переворачивается.

Неужели... это все ко мне? Или я опять себя накручиваю?

— Давай потанцуем? — спрашивает Кирилл, понизив голос.

— Давай, — отвечаю я, стараясь, чтобы мой звучал твердо.

Он крепко берет меня за руку и ведет за собой. Я думаю, мы пойдем в центр танцпола, под яркие огни и громкую музыку. Но нет. Кирилл уводит меня в самый дальний темный угол клуба, где почти нет света и людей.

Что за...? Он меня стесняется? Или прячет?

Я чувствую тепло его ладони и крепкие пальцы, удерживающие мою руку. Возбуждение быстро смешивается с обидой. Если он меня стыдится — я ему это выскажу.

Когда мы заходим в этот полутемный угол, музыка все еще гремит, но здесь уже звучит приглушенно. Кирилл разворачивает меня к себе и прижимает к стене. Его тело оказывается так близко, что я чувствую исходящее от него тепло. Одна рука ложится мне на талию, второй он упирается в стену над моей головой. От его прикосновения дыхание сбивается, а пальцы сами сжимаются в кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони. Мне нельзя терять голову. Особенно сейчас.

— Что, решил спрятать меня от всех? — я чуть приподнимаю подбородок и улыбаюсь ему прямо в лицо. — Боишься, что кто-то увидит, как ты танцуешь с малолеткой?

Кирилл щурится. Ладонь на моей талии слегка напряга-

ется, и по его лицу я сразу понимаю, что шутка не зашла. Даже близко.

— Во-первых, ты чем думала, когда надевала такое откровенное платье? — он окидывает меня взглядом сверху вниз и снова смотрит в глаза.

Он серьезно сейчас собрался меня отчитывать? Да он с ума сошел.

— На тебя слюни пускает вся мужская половина клуба, — продолжает Кирилл, даже не пытаясь смягчить тон. — Ты понимаешь, что если Сокол узнает, где ты зависаешь, то посадит тебя под замок? Ты этого хочешь?

Я пару раз моргаю, не веря своим ушам, а потом упираюсь ладонью ему в грудь.

— Ты в своем уме? — голос выходит резким, и я уже не пытаюсь спрятать раздражение. — Я надела свое лучшее платье и пришла отметить день рождения с одной подругой. Что именно тебя здесь так возмутило?

Сбрасываю его руку со своей талии и делаю шаг в сторону, но Кирилл сразу поворачивается следом, даже не думая отступать.

— Это ты, Рыжик, попутала, если думаешь, что я так просто тебя тут оставлю. — Он снова тянется к моей руке. — Мы сейчас же берем твою подружку, и я отвезу вас в другое место, раз ты хочешь повеселиться.

Я резко убираю руку за спину и смотрю на него уже откровенно возмущенно.

— А теперь ты послушай. — Упираю руки в бока. — Я никуда не пойду. Это мой день рождения, и я буду праздновать так, как хочу. А если ты так сильно переживаешь, то можешь прямо сейчас позвонить Саше и убедиться: он в курсе, что я в клубе. И да, где-то здесь находится его человек, который за нами присматривает.

Ларионов пару секунд просто смотрит на меня с открытым ртом, а потом медленно прищуривается.

Я почти вижу, как в его голове складывается очередная теория о том, что я ему вру.

Я, конечно, была против этой «няньки», когда Маринка предложила просто вдвоем потусить. Но ссориться с братом не хотела, да и в клубе полно всяких дебилов. Поэтому в итоге согласилась на Сашино условие.

— Продолжай, — говорю я и нетерпеливо машу рукой.

Кирилл хмурится.

— В смысле?

— Ты сказал «во-первых». — Я выгибаю бровь и выжидающе смотрю на него. — Где «во-вторых»?

Он несколько секунд молчит, потом тяжело выдыхает и проводит рукой по волосам.

И я тут же зависаю на этом движении.

Черт.

Так и хочется самой запустить пальцы ему в волосы, пригнуть ближе и наконец поцеловать.

Господи, Соколова, ты совсем, что ли? Похоже, эти кок-

тейли слишком быстро ударили в голову.

— А во-вторых... — Кирилл осекается, еще раз проводит ладонью по волосам и качает головой. — Уже ничего. Если тут действительно человек Сокола, то почему я спокойно к тебе подошел и увел с танцпола туда, где нас никто не увидит?

Мои губы растягиваются в ехидной улыбке.

— Кирилл, скажи честно, ты перепил? — делаю шаг вперед, почти вплотную к нему. — У тебя мозги расплавились или ты резко отупел, когда увидел меня в этом платье? Человек моего брата прекрасно знает, кто ты такой. Поэтому и не подошел.

Кирилл медленно склоняет голову набок, а в глазах появляется знакомое предупреждение.

— Соколова, язык придержи, а то укушу, — произносит он с рыком.

— Ой, напугал, — фыркаю я, но все-таки отступаю назад, пока снова не упрусь спиной в холодную стену.

Ларионов тут же сокращает расстояние между нами.

— Мы недавно наняли новых людей. Я их сам искал и пробивал. Но далеко не все знают меня в лицо, Макса или Стаса. Так что, Рыжик, у меня есть все основания думать, что ты мне врешь.

Теперь его лицо находится в считанных сантиметрах от моего. Горячее дыхание касается губ, а знакомый запах парфюма смешивается с виски — можжевельник, терпкий чер-

ный чай, бергамот и теплый кедр. Черт. С такой дистанции соображать становится намного сложнее.

Я упрямо вскидываю подбородок.

— Ты можешь прямо сейчас позвонить брату и спросить. Вперед.

— Сама напросилась, — Кирилл достает телефон из кармана и набирает номер.

Вместо того чтобы приложить его к уху, он специально включает громкую связь и продолжает смотреть прямо на меня. Я уже с трудом понимаю, что больше действует на нервы: ожидание ответа или Ларионов, который стоит слишком близко и явно наслаждается ситуацией.

— Да, Кирюх, что случилось? — наконец раздается голос Саши.

— Сокол, привет. Слушай, а Дашка твоя где? — Кирилл бросает на меня короткий взгляд, и уголок его губ дергается. — У нее же сегодня день рождения. Хотел поздравить, а она трубки не берет.

Ах ты ж хитрый засранец.

— Да она с подружкой в клуб пошла. Отпросилась. Для своего спокойствия я к ней Генку приставил. Помнишь, который к нам три месяца назад пришел? Он тебя еще в спарринге уделал.

Лицо Кирилла меняется мгновенно.

Я зажимаю рот ладонью, но смех все равно рвется наружу.

— Тш-ш, даже не начинай, — шипит он мне, прикрывая

телефон рукой.

Я только сильнее улыбаюсь.

— Все, понял, — уже громче отвечает Кирилл.

— Слушай, ты же сейчас на переговорах, — продолжает Саша. — Сделай все красиво, как умеешь. Чтобы они согласились только на наши условия. Там еще те хитрожопые, могут вывернуть так, что нам невыгодно будет с ними работать.

Кирилл медленно переводит на меня взгляд и самодовольно приподнимает бровь.

Ну да, ну да. Я же говорил — деловая встреча.

— Не переживай. Скоро Стас подъедет, он их точно уговорит.

— Отлично. Как еще Макс к вам не присоединился, вы же в клубе. Кстати, в каком? Может, Дашку мою там увидите.

Кирилл на секунду косится на меня, и я сразу понимаю: сейчас будет врать.

— Да вряд ли. Мы в совсем не пафосном месте, без лишних глаз. И Кучерявому тут делать нечего. Ты же знаешь, он в переговорах как слон в посудной лавке. Все испортить может. Пусть лучше своими делами занимается.

Я едва сдерживаю смешок. Вот же зараза. Даже голос не дрогнул.

— Тоже верно. Ладно, давай, работай.

— Давай.

Кирилл сбрасывает звонок и убирает телефон в карман, а я сразу складываю руки на груди и смотрю на него с побед-

ной улыбкой.

— Ну что, доволен? Или все еще думаешь, что я вру? — приподнимаю бровь, специально выдерживая паузу. — Может, теперь извинишься за то, что назвал меня врушкой, или продолжишь меня «спасать»?

Внутри меня все еще потряхивает после нашей близости и этого разговора, но виду я не подаю.

Помни, Даша. Холодная голова.

— Доволен, — коротко отвечает он.

И вместо того, чтобы отойти, продолжает стоять напротив и так пристально меня разглядывать что держать себя в руках становится все сложнее.

— Тогда чмоки, я пошла веселиться, — бросаю я и упираюсь ладонями ему в грудь, пытаюсь отодвинуть эту гору мышц с дороги.

Не сдвигается ни на сантиметр.

— Не так быстро, Рыжик. — Кирилл перехватывает меня за запястья, не давая проскользнуть мимо. — Я сейчас закончу дела, подожду, когда приедет Стас, а потом мы нормально отпразднуем твой день рождения.

Я перестаю вырываться и недоверчиво хмурюсь.

— В смысле?

— Что непонятного? — он чуть ослабляет хватку, но рук не отпускает. — Ты, твоя подружка и я поедем в нормальное место. Если Сокол узнает, что ты в этом гадюшнике, поверь, даже с Генкой ты огребешь по первое число.

Вот тут возразить нечего.

Если Саша узнает, что я вместо пафосного клуба для золотой молодежи Москвы выбрала это средненькое место, мне точно не поздоровится. С Геной у меня, конечно, договоренность, но гарантий никаких. Тут уж как карта ляжет.

Я снова вскидываю на Кирилла глаза.

— Гена скажет ему, что ты нас забрал. И что ты тогда брату ответишь?

— Соврем что случайно пересеклись в клубе. А Гене скажешь, что вы с Мариной решили сменить место. Я пришлю адрес, уеду первым и буду ждать вас там. Он меня не увидит, а людей Сокола там нет — только мои.

Я хмурюсь. Ларионов уже целую схему придумал, лишь бы Саша ничего не узнал.

— И с чего ты вдруг так заморочился? — спрашиваю тише и опускаю глаза на его руки, все еще удерживающие мои запястья.

Кирилл чуть ослабляет хватку, но не отпускает. Большой палец медленно проходит по внутренней стороне моего запястья, и от этого простого движения меня моментально бросает в жар.

— Хочу, чтобы ты нормально отметила свой день рождения в приятной компании, — отвечает он как ни в чем не бывало и подмигивает. — Все, давай, Рыжик. Иди к подружке. Я тебе напишу.

Он наконец отпускает меня и отходит в сторону, освобож-

дая дорогу.

Я делаю шаг, но все-таки задерживаюсь. Сердце до сих пор колотится как ненормальное, а кожа на запястьях горит там, где только что были его пальцы. Хочется огрызнуться, послать его вместе с его командирскими замашками куда подальше, но мысль о том, что Кирилл сам хочет провести со мной этот вечер, слишком сильно портит весь мой боевой настрой.

Кидаю мимолетный взгляд через плечо.

— Только попробуй испортить мне праздник — пожалеешь.

— Иди уже, командирша, — ухмыляется этот засранец.

Я фыркаю и разворачиваюсь, пробираясь обратно через танцпол.

Клуб уже окончательно разогрелся. Басы бьют в грудь, вокруг мелькают красные и синие огни, люди толкаются, смеются, кто-то целуется у колонн, кто-то орет слова песни, размахивая руками. В воздухе смешались алкоголь, духи и запах разгоряченных тел.

Протискиваюсь между людьми, уворачиваясь от чужих плеч и рук, и наконец выбираюсь к бару. Маринку нахожу сразу. Она сидит на высоком стуле, медленно потягивает коктейль через черную трубочку, а рядом с ней...

Я торможу.

Стас.

Он сидит почти вплотную к ней, чуть наклонившись, что-

бы она слышала его сквозь музыку, и что-то спокойно говорит ей на ухо. Маринка улыбается, кивает и слушает его с таким интересом, что у меня в голове возникает только один вопрос.

Серьезно? Стас?

Вот этот Стас, который обычно молчит, смотрит на всех своим фирменным «вы меня раздражаете» и добровольно разговаривает только тогда, когда считает это необходимым?

А тут сидит с моей подругой, улыбается и, судя по всему, прекрасно проводит время.

Вот это уже что-то новенькое.

Я быстро прихожу в себя и направляюсь к ним.

— Марин, я смотрю, ты тут время зря не теряешь, — говорю я, останавливаясь рядом и переводя взгляд с нее на Стаса. — А я тебя искала.

— Привет, Даш. С днем рождения, — Стас поднимается с барного стула и коротко обнимает меня одной рукой.

— Спасибо. Ты к Кириллу?

— Да. Откуда знаешь? — Стас перестает улыбаться и чуть поворачивается ко мне всем корпусом.

Вот от него ничего не скроешь. Стас одним взглядом способен понять больше, чем я успеваю сказать. К тому же он единственный, кто точно знает, что у меня были и, возможно, все еще есть чувства к его другу.

— Мы увиделись, поговорили. Он сказал, что у вас тут деловая встреча, — пожимаю плечами, почти не соврав. Про-

сто некоторые моменты аккуратно опустила.

— М-м-м, хорошо, — тянет Стас, и по выражению его лица сразу понятно: не поверил ни хрена. — Тогда пойду найду нашего друга.

Он уже делает шаг от бара, но останавливается и поворачивается к Маринке.

— Марин, мы с тобой созвонимся и обсудим все детали, — говорит спокойно и салютует ей двумя пальцами.

Маринка улыбается ему вслед.

Опа.

Что это сейчас было?

Я дожидаюсь, пока Стас отойдет подальше, сажусь напротив нее и сразу наклоняюсь ближе.

— Так, подруга, давай колись. Что это сейчас было?

— Да ничего такого, — она крутит трубочкой в коктейле и старательно делает вид, что вообще не понимает, о чем я.

— Ага. Конечно.

Маринка не выдерживает и улыбается шире.

— Он подошел, сел, мы познакомились. Выпили по коктейлю, разговорились. Потом увидел у меня на руке татуировку — небольшой завиток звездного неба из «Звездной ночи» Ван Гога, — она поворачивает запястье, показывая рисунок, — и сразу оживился. Сказал, что тоже любит эту картину. В итоге договорились вместе сходить на выставку.

Я пару раз моргаю.

— Ого. У тебя свидание со Стасом?

— Можно и так сказать, — Маринка слегка краснеет и пожимает плечами, а потом быстро переводит стрелки на меня. — А что у тебя с тем красавчиком? Вы так мило общались в углу.

— С Кириллом? — делаю максимально невинное лицо. — Это друг брата и Стаса. У них еще в компании Макс есть. Он что-то вроде бесплатного стендапера на постоянной основе.

Маринка смеется, но потом смотрит на меня с явным подозрением.

— Кстати, он пригласил нас в другой клуб, — продолжаю, пока Маринка не начала задавать лишние вопросы. — Сказал, там гораздо круче, чем здесь, и мы сможем нормально отдохнуть.

— Отлично! — она сразу оживляется. — Ты же знаешь, я за любой кипиш, кроме голодовки. Когда едем?

— Сейчас он закончит встречу, пришлет мне смс с адресом, и поедem. Только Саша не должен знать, что мы едем именно с Кириллом. Он не очень приветствует, когда кто-то из его друзей проявляет ко мне внимание. Поэтому Гене просто скажем, что решили сменить локацию.

Маринка медленно кивает, отпивает коктейль и пару секунд молчит.

— Странно, конечно, но ладно. А Гена не сдаст, что ты с Кириллом тут шушукалась?

— Думаю, нет. Он хорошо его знает. Если что, Ларионов сам все разрулит.

Маринка еще что-то говорит, а я уже почти не слушаю. В голове крутится совсем другое.

Почему Кирилл вообще это предложил? Целый год мы почти не виделись, а теперь он сам хочет провести со мной вечер. Еще и придумал целую схему, как увести нас в другой клуб так, чтобы Саша ничего не узнал.

Просто решил по-дружески присмотреть за младшей сестрой своего друга?

От одной этой мысли настроение сразу портится.

А если нет?

Если он все-таки увидел во мне девушку, а не маленькую Дашку, которую можно потрепать по волосам и отправить домой?

Делаю большой глоток коктейля и ставлю стакан на барную стойку чуть резче, чем собиралась. Вот только радоваться раньше времени точно не стоит. Я уже слишком долго влюблена в Ларионова и слишком хорошо знаю, чем заканчиваются мои надежды на что-то большее.

Лучше вообще ничего себе не придумывать.

Хотя после того, как он смотрел на меня сегодня, сделать это будет чертовски сложно.

Глава 2

Даша — 19 лет; Кирилл — 22 года.

Кирилл:

И на кой черт я вообще к ней подошел? Зачем, спрашивается, позвонил Соколу, чтобы убедиться, что Рыжик действительно здесь с его разрешения? Еще и придумал, что забыл о ее дне рождения. Да у меня этот день чуть ли не красным в календаре обведен. Я помню его лучше, чем половину важных встреч.

И выбрала же гадюшник для праздника... Если бы за ней не присматривали, какой-нибудь ублюдок уже давно попытался бы затащить ее в темный угол. А если кто-то хоть пальцем ее тронет — я ему голову оторву на хрен.

Стоп.

Ларионов, ты о чем вообще думаешь? Она просто младшая сестра твоего друга. Просто сестра.

Ага... сестра...

Только вот на эту «сестру» я уже давно не могу смотреть спокойно. Стоит ей появиться рядом, и у меня сразу мозги отключаются.

Эти рыжие волосы, веснушки на носу, дерзкая ухмылка и ее гребаный характер... Иногда хочется придушить на месте, а через минуту уже совсем другого хочется.

Я правда пытаюсь держать себя в руках. Только получается хреново. Стоит ей улыбнуться кому-то другому или надеть вот такое платье, на которое уже половина клуба слюни пускает, и у меня срывает башню. Хочется схватить ее, закинуть на плечо и утащить куда-нибудь подальше от чужих глаз. Чтобы никто не смотрел. Никто не трогал. Только я.

Вот только она для меня под запретом. Сокол мне голову оторвет, да и не только голову, если узнает, какие посещают мою голову рядом с его сестрой. А они появляются постоянно. Особенно когда она смотрит на меня своими зелеными глазами и улыбается так, как несколько минут назад.

Я слишком сильно ее хочу. Настолько, что специально целый год держался подальше, лишь бы окончательно не сорваться.

И по иронии понять меня может только сам Сокол. Он тоже когда-то конкретно влип в одну девчонку, только даже увидеть ее вживую не успел.

Они познакомились в интернете, почти год общались, а потом она исчезла. Просто пропала из его жизни и ничего не объяснила. После этого Сокол сильно изменился. Стал жестче, закрылся, начал контролировать вообще все вокруг. С девчонками почти не заводит — иногда выберется куда-нибудь, снимет кого-то на ночь и снова уходит с головой в работу. Мы его временами вообще не узнаем.

И, если честно, иногда я ему даже завидую. Милена исчезла из его жизни. Может, перебесится, переживет и когда-ни-

будь отпустит.

А Даша рядом со мной. Все эти годы была рядом, и в этом вся проблема, Мне достаточно было приехать к нему домой, чтобы снова увидеть ее и окончательно потерять покой.

Раньше мы постоянно пересекались. Я приезжал к Соколу, а она то проходила мимо, то проводила с нами время, иногда Сашка брал ее к нам на репетиции, и каждый такой раз заканчивался одинаково: потом я еще несколько дней пытался выбросить ее из головы. В итоге просто зарылся в работу и почти перестал появляться у них дома. Целый год специально избегал любых встреч с ней.

Если бы я знал, что сегодня она окажется именно в этом гадюшнике, то бы не назначил здесь переговоры.

Мы выбираем это место, потому что здесь почти нет своих, хорошая выпивка и девочки, готовые на любой каприз. В такой обстановке всегда проще закрывать сделки нашего нелегального бизнеса. А теперь я сижу и думаю только об одном — как бы утащить Дашу подальше от всех этих голодных взглядов.

Держи себя в руках, Ларионов. Хотя бы сегодня.

Так я еще и сам предложил ей отпраздновать день рождения вместе.

Вопрос на миллион: нахрена? Я же себе только хуже делаю.

Смотрю на нее через весь зал и не могу отвести взгляд. Сидит в этом темно-зеленом обтягивающем платье, которое

будто вторая кожа. Оно так высоко задирается на бедрах, открывая эти длинные, идеальные, сексуальные ноги... От одного вида у меня перехватывает дыхание.

Господи, дай мне сил дожить до завтра и не наделать глупостей.

Хочется подойти, схватить ее за руку и утащить отсюда подальше от всех этих взглядов, прижать к себе крепче, почувствовать ее дыхание и наконец узнать, какие на вкус ее губы. Я смотрю на них уже слишком долго и прекрасно понимаю: одним поцелуем я точно не обойдусь.

Еще и этот чертов браслет. Когда я пару минут назад схватил ее за запястье, под пальцами сразу почувствовал тонкую цепочку и маленькую подвеску. То самое перо, которое я когда-то ей подарил. Сначала даже не поверил, успел бросить короткий взгляд — и точно, оно. Она до сих пор его носит. И как мне теперь делать вид, что я просто друг ее брата, который переживает за ее безопасность?

Какой же я идиот.

— Кирилл, ты с нами? — Стас толкает меня ногой под столом.

Блять, еще и Стас тут. Ему точно придется объяснять, почему я сваливаю. Главное — не спалиться, что ухожу именно с Дашей. Этот змей все видит и все знает. От него не спрячешься, он как чертов ФСБшник

— Да, думаю, как свалить. Устал уже с ними тут сидеть, — говорю тихо, чтобы услышал только он.

Стас бросает короткий взгляд в сторону Рыжика, потом снова поворачивается ко мне.

— Так вали. Только учти: если Сокол узнает, член оторвет и сожрать заставит, — спокойно произносит он и берет со стола свой стакан.

Я на секунду зависаю.

— В смысле? — подаюсь к нему ближе. — Неужели я так сильно спалился?

— Кирюх, я не тупой и очень внимательный, — Стас делает глоток и ставит стакан обратно. — Ты думаешь, я не заметил, как ты на Дашку смотришь? Как вздыхаешь, когда она рядом? Как целый год специально избегал посиделок у Сокола дома и всегда предлагал альтернативу? Не заметить может только полный идиот или тот, у кого проблем выше крыши. Сокол относится ко второй категории, а мы с Максом просто молчим.

— Макс тоже в курсе? — удивленно вскидываю брови.

Уголок губ Стаса дергается в усмешке.

— Слушай, ты думаешь, мы совсем идиоты?

— Не совсем, — ухмыляюсь я и откидываюсь на спинку дивана. — Правда все так заметно?

— Да, — Стас хлопает меня по плечу и кивает в сторону Даши. — И если ты в ближайшее время ничего с этим не сделаешь, нас всех ждет апокалипсис, который мы, возможно, не переживем.

— Спасибо за поддержку, Гринч, — хмыкаю я.

Стас закатывает глаза и качает головой.

— Да вы задолбали с Максом. Вот как Кучерявый придумал это прозвище, так все и подхватили.

— У тебя еще более-менее, — я усмехаюсь и хлопаю его по плечу. — Он меня Лари называет.

Стас фыркает и все-таки начинает смеяться.

— Да-а, у него талант придумывать максимально бесячие клички.

— И потом еще ходить довольным собой, — киваю я в сторону выхода. — Как ребенок, которому дали фломастеры и разрешили рисовать на стенах.

— Это Макс, — Стас разводит руками. — Тут уже ничего не исправить.

Я усмехаюсь и поворачиваюсь к нашим «партнерам».

— Прошу прощения, но мне нужно уехать, — поднимаюсь с дивана и поправляю поло. — Дальше встречу продолжит Стас. Надеюсь, вы не против?

Один из толстосумов нехотя отрывается от губ эскортницы и лениво машет рукой.

— Нет, Кирилл, все нормально, — отвечает он и снова притягивает девушку ближе. — Мы, в общем-то, уже закончили. Ваши условия нас полностью устраивают. Будем работать с вашими поставками.

Я коротко киваю им на прощание и направляюсь через зал, доставая телефон. Быстро набираю сообщение.

«“Velvet” на Тверской, 15. Вход через черный ход, скажешь

охране, что от меня. Жду вас там через двадцать минут. Не задерживайся, Рыжик».

Отправляю и убираю телефон в карман. Проходя мимо танцпола, все-таки не удерживаюсь и бросаю взгляд в сторону Даши.

Она как раз достает телефон из сумки. Читает сообщение, и я замечаю, как ее губы слегка приоткрываются. Потом она поднимает голову и начинает искать меня глазами.

Находит.

Мы встречаемся взглядами через весь зал. Даша смотрит долго, с этим своим фирменным дерзким выражением, но сейчас к нему примешивается удивление и волнение. И тот самый огонек в глазах, от которого у меня каждый раз сносит крышу.

Я чуть приподнимаю подбородок и едва заметно киваю в сторону выхода — мол, давай, собирайся. Даша кусает нижнюю губу, прячет улыбку и быстро что-то шепчет Маринке на ухо. Та сразу кивает.

Выхожу на улицу, а внутри все еще горит. Теперь главное — не наделать глупостей, когда она окажется рядом.

До «Velvet» добираюсь на такси. Сегодня за руль садиться не планировал, хотел напиться и забыться, но, похоже, вечер решил пойти совсем по другому сценарию.

Останавливаюсь недалеко от входа, чтобы сразу увидеть, когда они подъедут.

Обожаю этот клуб. По документам он принадлежит мо-

ему бывшему однокласснику Егору, а я его главный спонсор. Когда он загорелся идеей открыть свое место, сразу пришел ко мне. Я вложил, не раздумывая, и не прогадал. Клуб процветает, здесь чисто и нет той грязи, которая постоянно окружает нас с парнями в бизнесе.

Здесь моя территория. Я знаю обо всем, что происходит внутри. Ребята иногда заглядывают отдохнуть, но правила у меня жесткие — никаких посторонних в мою зону.

И самое главное — если Сокол вдруг узнает, что его сестра была здесь, скорее всего, даже не взбесится. Мои люди контролируют клуб от входа до выхода, поэтому за Дашу я могу быть спокоен. И сам могу находиться рядом с ней, не следя каждую секунду за очередным ублюдком, который слишком долго на нее пялится.

Минут через двадцать к клубу наконец подъезжает машина. Из нее выходят Даша и Маринка, и даже отсюда я вижу, как она сразу начинает оглядываться по сторонам в поисках меня.

Находит.

Я отталкиваюсь от стены и иду прямо к ней. Сердце стучит бешено, а когда подхожу ближе, рука сама ложится ей на талию. Слегка притягиваю Дашу к себе и наклоняюсь к ее уху.

— Привет еще раз. Добро пожаловать в мою обитель.

Она поднимает на меня глаза, и в них снова появляется этот дерзкий огонек.

— Твоя обитель? — с откровенным удивлением переспрашивает Даша и оглядывается по сторонам.

— Да, — киваю я в сторону VIP-зоны. — Пошли.

Даша громко фыркает, убирает мою руку со своей талии и идет чуть впереди. Я только показываю направление и спокойно следую за ней, не пытаюсь снова приблизиться.

Марина шагает рядом и вертит головой во все стороны с таким любопытством, словно впервые попала в нормальный клуб. А Даша делает вид, что ее вообще ничем не удивишь, хотя я замечаю, как она изучает интерьер: мягкий свет, черные кожаные диваны, тяжелые шторы и огромные панорамные окна с видом на Москву.

Упрямая. Даже если ей здесь понравится, хрен признается.

Мы заходим в мою VIP-комнату. Здесь уже все готово: на низком столике стоят бутылки, коктейли и закуски. Обычно персонал и без меня знает, что должно быть в комнате, но сегодня я отдельно распорядился добавить коктейли и что-нибудь легкое для девушек. Если уж они собрались напиваться, пусть хотя бы делают это под моим присмотром.

— Ни фиги себе, — Маринка первой плюхается на диван и тянется к одному из коктейлей. — Даш, а друг твоего брата неплохо устроился.

Даша бросает на нее предупреждающий взгляд и садится рядом. Закидывает ногу на ногу, и платье тут же ползет выше по бедру. Она либо вообще не понимает, что со мной делает,

либо как раз прекрасно понимает.

Я устраиваюсь напротив, беру со стола стакан и заставляю себя смотреть ей в лицо.

— Ты после Англии вообще по-русски разговаривать не разучилась? — спрашиваю я и делаю глоток.

— С тобой иногда хочется перейти на другой язык, — Даша берет коктейль, пробует его через трубочку и морщится. — Желательно на тот, которого ты не знаешь.

Маринка тихо смеется в свой бокал.

— Три года там прожила, а характер только хуже стал, — усмехаюсь я.

— А ты прям успел оценить? — Даша поворачивается ко мне, устраиваясь удобнее на диване. — Мы за последний год нормально разговаривали от силы пару раз.

— Мы виделись, — напоминаю я и чуть подаюсь вперед.

— В гараже год назад? — она фыркает. — Очень содержательное общение.

Маринка переводит взгляд с нее на меня, явно начиная понимать, что тут все немного интереснее, чем ей рассказали.

— Потом работы было по горло, — пожимаю плечом.

Даша делает еще глоток и ставит бокал на стол.

— Конечно. У тебя же всегда работа. Саша хотя бы иногда дома появлялся.

— Зато ты три года где-то там по Англии гуляла, — киваю на нее. — Нормально хоть было?

Маринка устраивается поудобнее с коктейлем в руках и уже откровенно слушает нас, даже не пытаясь делать вид, что разговор ее не касается.

— Нормально, — Даша проводит пальцем по запотевшему бокалу. — Учеба, новые люди. Сначала тяжело было, потом привыкла.

— По Москве скучала? — спрашиваю я.

Она пожимает плечами и делает еще глоток.

— Иногда. — В ее глазах сразу появляется знакомая вредность. — По тебе точно нет.

— А я уже хотел растрогаться, — кладу ладонь на грудь и делаю максимально серьезное лицо.

— Переживешь, — она толкает носком туфли мой ботинок и тут же убирает ногу, как ни в чем не бывало.

Я усмехаюсь.

— Смотрю, Англия тебя еще и наглости научила.

— Нет, это ты просто давно меня не видел, — Даша улыбается и снова оглядывает комнату. — У тебя тут прям личный рай? Всех девушек сюда водишь?

— Не всех, Рыжик, — отвечаю я, откидываясь назад. — Только особенных.

Она устраивает руку на спинке дивана и смотрит прямо на меня.

— А я, значит, для тебя особенная?

Вот же провокаторша.

— Конечно, — встречаю ее взгляд и специально тяну с

ответом. — Ты же сестра моего друга.

Улыбка с ее лица исчезает сразу.

Даша пару секунд молчит, потом берет бокал и одним махом допивает весь коктейль. Я невольно приподнимаю брови, наблюдая, как она спокойно ставит пустой бокал на стол.

Ни хрена себе.

Маринка переводит взгляд с нее на меня, но благоразумно молчит.

— Марин, пойдем потанцуем, — Даша уже поднимается с дивана.

— Пойдем, — Марина тоже вскакивает и хватается ее за руку. — Мне срочно нужен крепкий и сексуальный мужчина. Я остаюсь на месте и провожаю Дашу глазами.

Глава 3

Даша — 19 лет; Кирилл — 22 года.

Кирилл

Сижу как идиот и смотрю им вслед.

Мне просто нужно проследить, чтобы она не вляпалась в какую-нибудь историю, которая потом разрушит ей жизнь. Просто присмотреть. Ничего больше.

Смотри сам ее не разрушь, Ларионов.

Только вот сейчас разрушаю скорее себя.

Вокруг полно девчонок — красивых, доступных, без всяких заморочек. Сами вешаются на шею, готовы на все. А меня угораздило помешаться на той, которая под полным запретом. На сестре лучшего друга.

Если Сокол узнает, о чем думаю, когда смотрю на нее... Какие картинки появляются в голове, когда она закидывает ногу на ногу и это чертово платье ползет вверх по бедрам... Он мне не просто голову оторвет. На куски разберет. И правильно сделает.

Откидываюсь на спинку дивана и на пару секунд закрываю глаза.

Она уже не та мелкая девчонка, которая когда-то бегала за нами хвостом. Даша выросла. Стала дерзкой, уверенной и охрененно красивой.

И вот сижу здесь, пытаюсь убедить себя, что между нами ничего не может быть. Только чем чаще повторяю это, тем больше хочется послать весь этот чертов запрет куда подальше.

Мне срочно нужно напиться и выкинуть ее из головы.

В клубе полно охраны и моих людей, за Дашей присматривают. Она уже большая девочка, глупостей не наделает. Свой долг как друг ее брата выполнил.

А теперь хочется забыться. Найти развлечение на одну ночь и пуститься во все тяжкие.

Подзываю официантку, которая уже какое-то время откровенно меня разглядывает. Симпатичная. Длинные ноги, глубокое декольте. Может, ее сегодня и возьму. Заставлю стонать мое имя, а сам буду представлять другую...

Господи, мне срочно нужно выпить.

— Налей мне моего любимого виски, — прошу ее.

Заказ приносят быстро.

Забираю стакан и виски, поднимаюсь с дивана и иду на балкон второго этажа. Отсюда весь танцпол как на ладони. Толпа двигается под музыку, вспышки света скользят по лицам, басы отдаются в груди.

Облокачиваюсь на перила и делаю большой глоток. Алкоголь обжигает горло, и это чувство хотя бы немного перебивает все дерьмо, которое творится в голове.

Но уже через минуту взгляд снова возвращается к танцполу.

В толпе мелькают знакомые рыжие волосы.

«Хватит пялиться, идиот», — одергиваю себя.

Глаза все равно продолжают искать ее среди людей. Вот она. Стоит недалеко от барной стойки с Мариной. Смеется, что-то говорит ей на ухо. В этом чертовом платье, от которого у меня и без алкоголя мозги отказываются нормально работать. Несколько парней откровенно пялятся в ее сторону, и руки так и чешутся спуститься вниз и отбить у них всякое желание смотреть на нее.

Блять.

Допиваю виски одним глотком и качаю головой, прогоняя эти мысли.

Хватит, Ларионов. Даже не начинай.

Только помогает слабо. Особенно когда рядом с ней появляется какой-то высокий тип в черной рубашке. Наклоняется ближе, что-то говорит, улыбается. Даша отвечает ему и слегка покачивается на каблуках. Хорошо уже выпила.

Пальцы крепче обхватывают стакан. Спокойно. Просто разговаривают.

Ага.

Мудак делает еще шаг и кладет руку ей на талию.

Все.

Ставлю стакан на ближайший стол и сразу иду к лестнице. Пока спускаюсь, он что-то шепчет Даше на ухо, продолжая держать ее за талию. Пробираюсь через толпу, подхожу сзади и хватаю его за плечо, разворачивая к себе.

— Отойди от нее. Быстро.

Парень оглядывает меня с ног до головы и усмехается.

— А ты кто такой, братан?

— Тот, кто сейчас тебе физиономию сломает, если ты от нее не отойдешь.

Он открывает рот, собираясь что-то ответить, но я уже врезаю ему кулаком в челюсть. Голова резко дергается в сторону, парень отшатывается на несколько шагов, ловит равновесие и тут же бросается обратно. Его кулак летит мне в лицо, успеваю уйти в сторону и сразу отвечаю в корпус. Он сгибается, и следом получает в скулу.

Вокруг начинается шум. Люди отскакивают подальше, кто-то орет, кто-то, наоборот, тянется ближе посмотреть. Парень снова идет на меня, успевает нормально зарядить под дых, и воздух резко вышибает из легких. Отступаю на шаг, пытаюсь нормально вдохнуть, а злость только сильнее разгоняет кровь.

Сука.

Нас пытаются разнять, но я уже почти ничего вокруг не замечаю. Только когда двое охранников заходят со спины, перехватывают меня за руки и оттаскивают в сторону, наконец останавливаюсь.

— Кирилл, хватит! — рывкает один из них, удерживая меня за плечо.

Дышу тяжело, пальцы сами сжимаются и разжимаются. Костяшки разбиты, на коже выступает кровь, но сейчас мне

плевать. Сразу нахожу Дашу.

Она стоит в нескольких метрах от меня и, похоже, до сих пор не может прийти в себя. Глаза широко раскрыты, лицо побледнело, а сама слегка покачивается на каблуках.

Думать сейчас вообще не получается. Подхожу к ней, хватаю за руку и веду за собой сквозь толпу.

— Кирилл... куда мы? — спрашивает она хрипло и растерянно.

Не отвечаю. Сворачиваю в служебный коридор и веду Дашу в самый конец, к своей комнате. По сути, это небольшая квартира прямо в клубе: отдельная спальня с большой кроватью, ванная с душем и все необходимое, чтобы спокойно остаться на ночь. Я сделал ее для себя еще после открытия клуба и иногда ночую здесь, когда поздно заканчиваю работу или уже нет никакого желания ехать домой.

Открываю дверь, пропускаю Дашу внутрь и захожу следом. Закрываю замок.

Здесь полутемно. Приглушенный красный свет падает на темные стены, край кровати и ее рыжие волосы.

Даша останавливается напротив и смотрит на меня снизу вверх, все еще тяжело дыша. Щеки горят, губы приоткрыты, а во взгляде смешались алкоголь, злость и что-то еще, от чего у меня окончательно срывает тормоза.

Больше держаться не получается.

Одной рукой обхватываю ее за талию, второй запускаю пальцы в густые рыжие волосы и целую. Жадно. Грубо. Так,

как давно хотел. Сначала она замирает, словно не верит, что это происходит на самом деле, но уже через мгновение отвечает — горячо, отчаянно, злобно. Ее пальцы впиваются в мою рубашку, тянут ближе, словно ей тоже мало.

— Кирилл... ты же сказал, что я тебе как сестра... — выдыхает она между поцелуями, и голос дрожит.

— Молчи, просто молчи, — рычу я низко и снова накрываю ее губы своими.

Мне нельзя. Я знаю. Нельзя трогать ее, нельзя хотеть, нельзя заходить так далеко. Но она отвечает на каждый мой поцелуй, кусает, тянет, прижимается сильнее, и все правильные мысли летят к чертям.

Платье уже задирается до талии. Я подхватываю ее под бедра, поднимаю и прижимаю спиной к стене. Даша сразу обхватывает меня ногами за пояс и стонет мне в рот, когда чувствует, как мой член упирается в нее через тонкую ткань белья.

— Скажи, что хочешь этого, — хриплю я, отрываясь от ее губ.

Она смотрит на меня мутным, горящим взглядом, проводит пальцами по моей шее и притягивает обратно.

— Хочу, — выдыхает прямо мне в губы. — Тебя хочу.

Все происходит быстро, жадно и неконтролируемо. Я стягиваю с нее платье, и ткань падает на пол у наших ног. Она дрожащими пальцами пытается расстегнуть мою рубашку, но путается и просто дергает сильнее. Пуговицы глухим зво-

ном рассыпаются по полу, а я даже не пытаюсь остановить. Ставлю ее на ноги, скидываю рубашку с плеч и снова притягиваю Дашу к себе.

Она горячая. Живая. Настоящая. И я окончательно тупею от мысли, что она сейчас здесь, под моими руками, отвечает мне, тянется ко мне, шепчет мое имя так, что у меня темнеет в голове.

Подхватываю ее на руки, делаю пару шагов и опускаю на широкую кровать. Не мягко, но и не так резко, как хотелось бы моему сорванному башкой телу. Даша успевает только тихо ахнуть, когда спина касается матраса. Я нависаю над ней, быстро расстегиваю брюки и притягиваю ее за бедра ближе к краю кровати.

Она смотрит на меня снизу вверх. Волосы разметались по простыне, губы припухли от поцелуев, грудь поднимается часто-часто. И в этот момент меня накрывает такой голод, что я перестаю соображать.

Я развожу ее бедра, наклоняюсь, целую внутреннюю сторону колена, выше, ближе к краю белья. Даша дергается и цепляется пальцами за простыню.

— Кирилл...

— Тише, — шепчу я, поднимаясь к ее губам. — Я здесь.

Сдвигаю тонкую ткань в сторону, провожу пальцами по горячей влажности и слышу, как она резко втягивает воздух. Ее тело отвечает сразу, но напряжение все равно есть. Я замечаю это, даже сквозь собственный срыв.

— Даш, смотри на меня.

Она открывает глаза. В них страх, желание, упрямство. Вся она.

— Если скажешь остановиться — я остановлюсь, — говорю хрипло, хотя каждое слово дается через силу.

— Не скажу, — шепчет она и сама тянет меня ближе. — Не смей останавливаться.

Вот это она зря.

Я целую ее снова, глубоко, до сбитого дыхания, и медленно вхожу в нее. Сначала уверенно, но уже через мгновение чувствую сопротивление.

Даша резко напрягается всем телом, тихо вскрикивает от боли и впивается ногтями мне в плечи. Ее дыхание сбивается, глаза зажмурены.

Она девственница.

Мысль бьет так сильно, что меня будто выдергивает из собственного тела. Я замираю полностью, не двигаясь ни на миллиметр.

— Даша... — хрипло выдыхаю я. — Ты... блять... ты же...

Она не дает мне договорить. Дрожащими руками обхватывает меня за шею и целует — горячо, сбивчиво, умоляюще.

— Не останавливайся... пожалуйста, Кирилл, — шепчет мне в губы. — Я хочу тебя... очень хочу.

— Огненная...

— Не сейчас, — она качает головой и открывает глаза. В них уже слезы, но она все равно держит меня. — Потом. Все потом.

Меня рвет на части. Нужно отстраниться. Нужно включить голову. Нужно вспомнить, кто она и чем все это может закончиться.

Но она подо мной. Моя. Дрожит, цепляется, просит не уходить. И я, конченный идиот, остаюсь.

Целую ее глубже, пытаюсь отвлечь от боли, и продолжаю входить медленно, осторожно, контролируя каждое движение. Даша тихо всхлипывает мне в рот, но сильнее обхватывает меня ногами, не давая отодвинуться. Ее пальцы скользят по моей спине, срываются на плечи, царапают кожу.

— Тихо... дыши, малышка, — шепчу ей в губы, целую уголок рта, щеку, шею. — Я медленно. Слышишь? Медленно.

Когда я полностью в ней, мы оба замираем. Я упираюсь лбом в ее висок и заставляю себя просто дышать. Не двигаться. Не брать больше, чем она сейчас может вынести. Внутри все горит, тело требует сорваться, но я держусь, чтоб не причинить ей еще больше боли.

— Больно? — спрашиваю хрипло.

Она молчит, потом кивает едва заметно.

Меня ведет от злости на самого себя.

— Блять...

— Не ругайся, — шепчет она неожиданно тихо и пытается

ся улыбнуться. — Это мой первый раз, а ты портишь атмосферу.

Я коротко выдыхаю ей в шею, и вместо смеха из меня выходит какой-то сорванный звук.

— Ты ненормальная.

— Сам такой.

Вот она. Моя Огненная. Даже сейчас умудряется огрызаться, хотя пальцы все еще дрожат на моих плечах.

Я снова целую ее. Медленнее, мягче. Провожу ладонью по талии, спускаюсь к бедру и начинаю двигаться осторожно. Даша задерживает дыхание, но не отталкивает. Второй дается легче. На третьем она сама тянется ко мне губами.

Постепенно ее тело перестает быть таким напряженным. Боль не уходит сразу, я вижу это по ее лицу, по тому, как она иногда морщится и крепче сжимает мои плечи, но она начинает двигаться мне навстречу.

И это добивает меня окончательно.

Целую ее шею, ключицы, грудь, спускаюсь ниже и обхватываю губами напряженный сосок. Даша выгибается подо мной и тихо стонет, уже не от боли. Ее пальцы зарываются мне в волосы, тянут сильнее, направляют, требуют. Я ласкаю ее языком, а рукой спускаюсь вниз, нахожу клитор и начинаю гладить аккуратно, в такт своим движениям.

— Кирилл... — она произносит мое имя так, что я едва не срываюсь.

— Вот так, моя маленькая, — выдыхаю ей в кожу. — Рас-

слабься.

Ритм меняется не сразу. Я все еще сдерживаюсь, двигаюсь глубоко, но без резкости, ловлю каждую ее реакцию. Когда она перестает зажиматься и сама подается бедрами навстречу, я позволяю себе чуть больше. Сильнее и глубже.

Комната наполняется ее стонами, моим сорванным дыханием и звуком наших тел. Красный свет ложится на ее кожу, на растрепанные волосы, на влажные от поцелуев губы. Она смотрит на меня так открыто, что у меня внутри что-то болезненно сжимается.

Потому что это уже не просто секс.

— Кирилл... о боже... — шепчет она прерывисто, когда я нахожу особенно чувствительное место внутри нее.

Я повторяю движение, и она вскрикивает, выгибаясь подо мной.

— Здесь? — спрашиваю низко.

Она кивает, кусает губу и тянет меня ближе.

— Еще...

Сносит.

Я двигаюсь быстрее, но все еще держу себя на цепи. Целую ее снова и снова — в губы, шею, грудь. Мои руки скользят по ее телу: по талии, по бедрам, сжимаю ее попку, приподнимаю, меняя угол. Даша стонет громче, цепляется за меня, царапает спину, шепчет мое имя почти беззвучно.

Я чувствую, как она приближается. Тело подо мной напрягается иначе — уже не от боли. Дыхание рвется, внутри

она сжимает меня все сильнее.

— Кирилл... я...

— Кончай для меня, — хриплю ей на ухо и ускоряюсь. — Давай, моя девочка.

Даша выгибается дугой, громко стонет и резко сжимается вокруг меня. Ее оргазм накрывает сильно, волнами, и она дрожит всем телом, впиваясь в меня ногтями. Я держусь еще пару толчков, но этого хватает, чтобы окончательно сорваться. Вхожу глубже и кончаю внутри нее с низким рыком, утыкаясь лбом в ее плечо.

Мы замираем, сплетенные друг с другом. В комнате слышно только наше сбитое дыхание и глухая музыка где-то за стеной.

Потом до меня окончательно доходит.

Я у нее первый.

Не просто первый мужчина. Первый опыт. Первая боль. Первый секс, который она теперь будет помнить всю жизнь. И я сделал это вот так: пьяный, после драки, в закрытой комнате клуба, почти потеряв контроль.

Медленно поднимаю голову и смотрю на нее. Раскрасневшееся лицо, растрепанные рыжие волосы, припухшие губы, следы моих пальцев на бедрах.

Что же я наделал.

Глава 4

Даша — 17 лет; Кирилл — 20 лет.

Кирилл

На фотографии Даша смотрит прямо в камеру. Зеленые глаза с карими крапинками, рыжие волосы на солнце отливают огнем, по щекам и носу рассыпаны веснушки. Сокол, да и вообще все вокруг, зовут ее Рыжиком.

Но Рыжик — это для них. Для семьи, друзей, всех, кто знает ее с детства.

А я смотрю на эту фотографию и понимаю, что для меня она совсем другая.

Здесь, на обычной снимке, в ней слишком много этого огня. Во взгляде, в улыбке, в рыжих волосах. И характер у нее такой же. Если Дашка чего-то захочет, будет идти напролом, пока не добьется своего.

Огненная.

Сейчас она учится в одной из лучших языковых школ Англии с гуманитарным уклоном. Попасть туда мечтают тысячи школьников, но далеко не у всех хватает таланта и возможностей. А она смогла. И я совсем не удивлен.

Дашка всегда любила писать. Помню, как однажды увидел ее текст и завис над первыми же строчками. Не ожидал, что девчонка ее возраста может так складывать слова и на-

столько точно прописывать своих героев. Тогда прочитал совсем немного. Потом она начала выкладывать рассказы на специальном сайте, и вот там меня уже затянуло. Глава за главой, история за историей. Ждал продолжения вместе со всеми остальными, хотя вслух никогда бы в этом не признался.

Наверное, поэтому и подарил ей браслет с подвеской в виде пера. Хотел, чтобы ее увлечение хоть немного ассоциировалось со мной. Чтобы, когда она садилась писать очередную историю, браслет был на ее руке и напоминал, какая она талантливая. И, может быть, иногда еще и обо мне.

Вообще мне давно пора перестать смотреть в ее сторону.

Я пытался. Правда пытался. Да и сейчас пытаюсь. Встречаюсь с разными девчонками, провожу с ними ночи, лишь бы выбить Дашку из головы, но ничего не работает.

Потому что каждая из них — не она.

И даже когда Дашка станет старше, между нами все равно ничего не должно быть. В нашем мире ей не место. Там слишком грязно и опасно. Я не хочу, чтобы хоть что-то из этого коснулось ее.

Мы все вместе с самого детства. Для пацанов Дашка всегда была младшей сестрой. Для меня тоже должна была остаться такой.

Только в какой момент все изменилось, я так и не понял. Когда перестал видеть в ней мелкую Дашку, которая крутилась рядом с нами? Когда начал искать ее глазами в любой

компании? Когда ее сообщения стали радовать сильнее, чем должны были?

Не знаю.

— Сын, — отец чуть приоткрывает дверь в мою комнату.
— Ты занят?

— Нет. Заходи.

Он никогда не входит без разрешения. Даже ко мне. С детства приучил, что личное пространство должно быть у каждого, независимо от возраста.

Отец вообще человек серьезный. Одного его взгляда хватает, чтобы большинство сразу притихло. И дело не только в характере. Он один из самых влиятельных людей в Москве. В девяностые они вместе с отцами ребят создали крупную группировку, которая занималась поставками оружия. Со временем все ушло в тень. Официально у них строительные компании и недвижимость. Для окружающих — успешные предприниматели. Мы же прекрасно знаем, на чем на самом деле держатся наши семьи.

— Кирилл, мы с твоей мамой уезжаем на пару дней вместе с родителями ребят.

Вот это уже хорошая новость.

Значит, наконец, соберемся.

Каждый раз, когда родители уезжают или с головой уходят в работу, мы встречаемся у меня в гараже. Берем инструменты, спорим, ржем, играем до поздней ночи. Наверное, только там у нас получается хоть ненадолго забыть обо всем.

Музыка всегда была нашим способом отключиться. В гараже мы переставали быть сыновьями влиятельных людей, будущих наследников и всего того дерьма, которое однажды все равно свалится нам на головы. Есть только мы вчетвером и желание когда-нибудь заниматься музыкой всерьез.

Жаль, что с желаниями не всегда все так просто.

— Хорошо.

Отец кивает и уже собирается выйти, но задерживается в дверях.

— Гараж после ваших репетиций должен остаться на месте.

Усмехаюсь.

— Ты слишком плохого мнения о нас.

Он приподнимает бровь.

— Разве?

Тут даже спорить сложно.

— Все будет нормально.

— На это и рассчитываю.

Отец выходит, а я сразу достаю телефон.

Кирилл: *Гараж. Сегодня. Семь вечера.*

Ответы прилетают почти сразу.

Сокол: *Наконец-то. Уже думал, придется самому всех собирать.*

Стас: *Главное, чтобы Макс снова усилитель не спалил.*

Кучерявый: *ЭТО БЫЛО ОДИН РАЗ! И вообще, он сам решил красиво умереть.*

Сокол: *Он дымился три дня.*

Кучерявый: *Зато эффектно.*

Усмехаюсь и убираю телефон в карман.

В шесть вечера спускаюсь в гараж. Нужно заранее настроить инструменты, чтобы потом не тратить на это время.

Настраиваю гитару и сажусь на старый диван, который мы когда-то притащили сюда с помойки. В гараже пахнет пылью, металлом и немного бензином — привычный запах, который почему-то всегда успокаивает. Беру пару аккордов для себя. Звук получается глуховатый, но родной.

Пока жду ребят, лениво захожу в соцсети. Нужно выбрать, с кем провести вечер после репетиции. После мыслей о Даше хочется отвлечься. В очередной раз попытаться выбить ее из головы. Может, хоть сегодня получится.

Ларионов, не ври себе.

Листаю ленту, ставлю лайки под несколькими горячими фотками. Вот эта блондинка из универа ничего так. А вот рыженькая с третьего курса...

Нет. Только не рыжая.

Одной рыжей мне уже хватает.

Как раз останавливаюсь на фотографии симпатичной брюнетки, когда дверь гаража открывается и первым вваливается Макс с палочками в руках.

— Приветтики-пистолетики! — ехидно выдает он.

Качаю головой.

— Макс, тебе пять лет? Ты до сих пор так здороваешься?

— Так мы сегодня в няньках, — кривится он.

— В смысле? — заглядываю ему за спину и замираю.

За Максом стоит Даша.

— Я не ребенок, и нянчиться со мной не надо, — спокойно отвечает она, скрестив руки на груди.

От этого движения футболка плотнее натягивается на груди, и взгляд сам задерживается там дольше, чем нужно.

Твою мать...

Откуда она здесь?

Даша смотрит на меня, и на секунду в ее глазах мелькает что-то непонятное. То ли удивление, то ли вызов. Потом уголок губ слегка приподнимается.

— Привет, Кирилл.

Сглатываю и заставляю себя сидеть спокойно.

— Привет, Рыжик. Давно вернулась?

— Относительно недавно, — отвечает она.

— Сокол, а ты чего не сказал, что Даша приехала? — обращаюсь к этому конспиратору.

Черт. Сложно было предупредить? Я сейчас едва удержался на месте, чтобы не подойти и не сграбастать ее в объятия. Настолько соскучился, что на секунду вообще забыл, где нахожусь.

— Рыжик попросила никому не говорить.

— Сюрприз хотела сделать, — добавляет она.

Смотрю ей прямо в глаза. Даша не отводит своих, а потом на ее губах появляется легкая улыбка.

— О, между вами прям искры летают, — не упускает возможности подколоть Кучерявый.

— Какие к черту искры, Кучерявый? — резко бросает Саша.

— Саш, Макс шутит. Что ты так завелся? — Даша переводит глаза на брата, а потом снова на меня. — Кирилл мне как брат.

И говорит это так спокойно, нагло, прямо в лицо.

Раньше Дашка никогда себе такого не позволяла. Стоило мне задержать на ней взгляд чуть дольше обычного, и она уже краснела и начинала прятать глаза. Англия определенно ее изменила. Передо мной теперь совсем другая Даша.

Точно Огненная.

— Да, Сокол, ты чего завелся? Мы же просто прикалываемся, — поддерживает ее Стас.

Прикалываемся?

Ага. Конечно.

Какие тут, нахуй, приколы, когда я уже который год пытаюсь выбить ее из головы, а она появляется передо мной вот такая и еще заявляет, что я ей как брат.

Если раньше еще получалось убеждать себя, что однажды меня отпустит, то сейчас становится окончательно понятно — пиздец.

Не отпустит.

Глава 5

Даша — 19 лет; Кирилл — 22 года.

Даша:

Как же больно лишаться девственности...

Недавно я смотрела «Пятьдесят оттенков серого», и там все было совсем по-другому. Девушка кайфовала по полной, стонала от удовольствия и чуть ли не сразу кончала. А у меня ощущение, что мне вставили раскаленную кочергу... сами понимаете куда.

Когда Кирилл вошел в меня в первый раз, хотелось закричать. Боль оказалась резкой, жгучей и совершенно неожиданной. Я собрала всю волю в кулак и постаралась вытерпеть.

Протрезвела моментально. Все коктейли, которые мы с Маринкой выпили за вечер, словно разом перестали действовать.

И даже несмотря на эту адскую боль, я все равно хотела его. Хотела почувствовать полностью. Моя давняя мечта на день рождения наконец сбылась — мужчина, которого я люблю столько лет, стал моим первым.

Не хотелось портить этот момент. Я притянула Кирилла ближе и тихо попросила:

— *Не останавливайся... пожалуйста.*

Хотела полностью отдаться ему. И отдалась.

Кирилл был очень нежным и внимательным. То, что я девственница, его не остановило. Он продолжал двигаться осторожно, целовал меня и что-то тихо говорил, пока боль постепенно не стала терпимее.

После всего Кирилл еще немного лежит на мне, тяжело дыша, а потом поднимается, не сказав ни слова. Даже не смотрит мне в глаза. Просто встает с кровати и уходит в душевую, которая, как оказалось, есть прямо в этой комнате.

Дверь закрывается за ним с тихим щелчком, почти сразу слышится шум воды.

Он серьезно просто взял и ушел?

Я остаюсь лежать и смотрю в сторону душевой. Он даже не спросил, как я себя чувствую. Ничего не сказал. Не принес теплое полотенце, не помог смыть кровь, как это обычно бывает в моих любимых романах.

Вообще ничего.

Честно говоря, такой реакции от Кирилла я точно не ожидала.

Приподнимаюсь на локтях и оглядываю комнату. Просторная, с приглушенным светом, тяжелыми темно-красными шторами и черными декоративными панелями на стенах. Большая кровать занимает почти половину пространства, в углу стоит кожаный диван. Все выглядит дорого, красиво и немного вызывающе.

И тут меня осеняет.

Красный и черный. Закрытая комната.

В голове снова всплывают моменты из «Пятьдесят оттенков серого».

Хм... Получается, мы с Кириллом только что оказались в собственной красной комнате. Правда, без плеток, наручников и остальных странностей.

От этой мысли хочется усмехнуться.

Хотя смешного сейчас вообще-то мало.

Минут через пять дверь душевой открывается. Кирилл выходит в одних боксерах. Волосы еще влажные, по шее скатываются капли воды. Он молча проходит через комнату, поднимает с кресла брюки и начинает одеваться.

Я жду, что он наконец что-нибудь скажет.

Но Кирилл молчит.

Кирилл подходит к кровати и садится на самый край спиной ко мне. Запускает обе руки в волосы и опускает голову. Что вообще происходит?

Ладони постепенно опускаются на колени, а пальцы начинают отбивать ровный, почти механический ритм.

Он нервничает. Очень сильно. Таким я вижу его впервые.
— Кирилл? — осторожно зову я.

Никакой реакции.

— Кирилл, давай поговорим.

Он издевается надо мной? Я со стеной разговариваю?

— Ларионов, мать твою, ты можешь сказать мне хоть слово? — кутаюсь в простыню и сажусь рядом.

— Даш, прости меня.

— За что простить?

Только не это, пожалуйста...

— Мы совершили ошибку.

Он наконец смотрит мне в глаза, и я сразу вижу в них сожаление.

Он сожалеет.

Он, блять, сожалеет.

— Ты издеваешься? — спрашиваю, все еще надеясь, что сейчас он скажет, что просто не знает, как себя вести.

— Нет. Рыжик, мы совершили ошибку. Ты не должна была лишаться девственности по пьяни с человеком, с которым у тебя ничего нет.

— Ты идиот? — вскакиваю с кровати. — Какой, к черту, чужой человек? Я тебя всю жизнь знаю и я... люблю тебя, — последние слова произношу уже тише.

— Что ты сказала? — Кирилл резко поднимает на меня глаза.

— Да, люблю тебя. С тринадцати лет люблю.

Теперь уже не просто говорю. Почти ору. Все, что столько лет держала внутри, наконец вываливается наружу.

— С тринадцати лет я тебя люблю.

— Как? Когда?

— А я должна была это как-то по инструкции делать?

— Даш, убери свой стервозный тон. Я нормально спрашиваю.

Придерживаю эту дурацкую простыню, чтобы она не сле-

тела, но, глядя на него, начинаю думать, что, может, ее вообще стоит снять и заняться чем-нибудь другим, а не выяснять отношения.

Господи, Соколова, ты только лишилась девственности, у тебя там все болит, а ты уже думаешь о втором раунде.

— В тот день, когда ты поцеловал меня в щеку. Я тогда еще была малолетней дурой,— отвечаю сразу на оба его вопроса.

— Блин, Рыжик, — тихо произносит он и заправляет прядь волос мне за ухо. — Если бы я знал, то...

— То что? — спрашиваю так же тихо.

— Сделал бы еще больше, чтобы держаться от тебя подальше.

Подальше?

Я столько лет мечтала, чтобы он хотя бы раз посмотрел на меня не как на младшую сестру Саши. Чтобы заметил во мне девушку. А сейчас стою перед ним практически голая, после ночи, о которой мечтала половину жизни, и слышу, что он хотел держаться от меня подальше.

— Почему?

— Даш, я конченный идиот. Я был пьян, потом этот начал к тебе подкатывать, а ты такая красивая... — последние слова он произносит тише и зарывается пальцами в волосы. — У меня крышу сорвало напрочь.

— Ну, я тоже была пьяна. Правда, наш секс весь алкоголь из меня выбил, — говорю со смешком.

— Это точно.

Он тоже улыбается.

Вот. Уже лучше.

Может, он просто испугался? Поэтому и несет весь этот бред про ошибку и желание держаться подальше?

— Так ты считаешь меня красивой?

Беру его за руку, второй все еще придерживая эту дурацкую простыню.

— Ты себя видела? Ты очень красивая.

От его слов становится теплее, и мне очень хочется поверить, что все еще может быть хорошо. Что Кирилл просто запутался, сейчас немного успокоится и скажет, что тоже давно чувствует ко мне нечто большее.

— Кирилл, ты жалеешь?

Задаю этот вопрос и сразу хочу забрать его обратно. Прикусываю щеку изнутри и жду ответа.

Ларионов молчит. Лицо напрягается, он явно подбирает слова, и от этого мне становится только хуже.

— Да, — наконец произносит он тихо.

На мгновение я даже надеюсь, что ослышалась.

Но нет.

Жалеет.

Он жалеет о ночи, которую я собиралась помнить всю жизнь.

— Почему?

— Даш, ты сестра моего друга. Младшая сестра. Я должен

относиться к тебе как к сестре, но не могу. И я не хочу из-за этого портить дружбу с Соколом.

— Ты боишься моего брата?

— Нет, я его не боюсь. Просто не хочу терять друга. А то, что между нами сейчас было, — ошибка.

— Ошибка? — переспрашиваю, хотя прекрасно его услышала.

— Да.

Ошибка.

Шесть лет я любила этого человека. Шесть лет ловила каждый его взгляд, радовалась любому вниманию с его стороны, придумывала в голове наше будущее. А теперь слышу, что для него все это оказалось ошибкой.

— Понятно, — отвечаю неожиданно спокойно.

Кирилл внимательно следит за моей реакцией, словно пытается понять, что сейчас творится у меня в голове. А я и сама понятия не имею. Хочется крикнуть на него, разреваться, швырнуть чем-нибудь тяжелым, но вместо этого стою напротив и молчу.

— Даш...

— Нет, все нормально, — перебиваю его и заставляю себя улыбнуться. — Ты прав. Мы напились, переспали. Бывает.

От собственных слов становится тошно, но я продолжаю делать вид, что мне плевать.

— Рыжик...

— Не называй меня так, — улыбка сразу исчезает с лица.

— Не называй меня так, если для тебя это была ошибка.

Кирилл напрягается.

— Ты все не так поняла.

— Правда? А как мне еще это понимать? Ты только что сказал, что жалеешь и что между нами ничего не должно было быть.

Наклоняюсь, поднимаю с пола платье и прижимаю к груди.

— Знаешь, Кирилл, самое обидное даже не то, что ты жалеешь. Я ведь прекрасно знала, чем это закончится.

— О чем ты? — хмурится он.

— О том, что ты никогда не видел во мне девушку. Только сестру Саши, а я, как последняя дура, шесть лет была в тебя влюблена и все надеялась, что однажды ты согласишься на меня по-другому.

К концу фразы голос все-таки начинает дрожать. В комнате становится слишком тихо, и я понимаю, что еще немного — и разревусь прямо у него на глазах. Кирилл молчит, и от этого становится только хуже.

Класс. Даже сказать нечего.

Быстро надеваю платье и туфли, потом начинаю искать сумочку. Нигде нет. Там телефон, документы, деньги, а мне сейчас только этого и не хватало.

Ну конечно. Почему бы всему не случиться именно сейчас?

И тут в комнате раздается мелодия звонка. Я сразу замол-

каю и прислушиваюсь, пытаюсь понять, откуда идет звук. Кирилл наклоняется, заглядывает под кровать и достает мою сумочку.

Ничего себе. И как мы вообще умудрились ее туда закинуть?

— Твое? — протягивает он ее мне.

— Да.

Забираю сумку, открываю и начинаю копать внутри. Найти в этой Нарнии хоть что-нибудь всегда было отдельным испытанием. Иногда мне кажется, что там можно потерять квартиру, а не только телефон.

Наконец достаю телефон и вижу на экране имя Маринки. Черт.

Я совсем про нее забыла.

— Да, — отвечаю на звонок.

— Соколова, ты, блин, где? Тебя уже не знаю сколько нет. Я тут с парнем познакомилась и хочу к нему уехать, но сначала пыталась найти тебя.

— Мариш, езжай. Только аккуратно. Я тоже с парнем ушла и про телефон вообще забыла.

— О-о-о, ты наконец-то Кириллу свою розу открыла.

Краем глаза замечаю, как у Кирилла дергается уголок губ. Услышал, зараза.

— Нет, не Кирилл. Это был другой, — специально отвечаю громче и смотрю прямо на него. — Давай завтра созвонимся, а то мне сейчас немного неудобно.

— Да, конечно. Только в следующий раз предупреждай. И я жду подробный рассказ про парня, который наконец лишил твою розочку невинности.

— Обязательно, — отвечаю и сбрасываю вызов.

Еще немного смотрю на экран телефона, пытаюсь успокоиться, а потом снова поднимаю глаза на Кирилла. Во мне сейчас столько всего намешано, что сама не разберусь, но злость и обида перекрывают остальное. Совсем недавно я была уверена, что эта ночь станет одной из самых счастливых в моей жизни, а теперь хочется только уйти отсюда и больше не смотреть на человека, который назвал ее ошибкой.

Разворачиваюсь и выхожу из этой комнаты мистера Грея. По музыке быстро нахожу дорогу обратно к танцполу и пробираюсь через толпу к выходу. Какой-то парень по дороге хватается меня за руку, пытаюсь утащить танцевать, но я сразу выдергиваюсь и иду дальше.

На улице достаю телефон и вызываю такси. Машина будет примерно через пять минут.

— Привет, красавица. Познакомимся? — рядом появляется парень, от которого алкоголем несет за километр.

Супер.

Уже собираюсь объяснить ему, куда он может отправиться со своим знакомством, когда возле тротуара останавливается белая машина такси.

Наконец-то.

Открываю дверь и сажусь на заднее сиденье.

— Добрый вечер. Куда едем? — спрашивает водитель.
Называю адрес и пристегиваюсь.

— Понял. Минут сорок примерно.

— Хорошо.

Мужчина бросает на меня короткий взгляд через зеркало заднего вида.

— Тяжелый вечер?

Вот только разговоров мне сейчас не хватает.

— Можно и так сказать.

— Бывает, — спокойно отвечает он и трогается с места.

На мое счастье, продолжать разговор не пытается.

Автомобиль плавно трогается с места, а я отворачиваюсь к окну. За стеклом мелькают фонари, вывески магазинов, редкие прохожие и машины, но перед глазами все равно Кирилл. Его лицо, голос и эти чертовы слова, которые он произнес так спокойно.

Я жалею.

Мы совершили ошибку.

Каждая фраза снова всплывает в голове, и я раз за разом возвращаюсь к нашему разговору. Там еще получалось держаться. Шутить, язвить, огрызаться, делать вид, что мне плевать. А сейчас рядом нет никого, перед кем нужно изображать сильную и независимую Дашу Соколову.

Отворачиваюсь еще сильнее к окну и глубоко вдыхаю, пытаюсь успокоиться, но легче не становится. Я столько лет ждала совсем другого. Столько раз представляла, как одна-

жды между нами что-то изменится, и сегодня это наконец произошло. Только счастье продлилось совсем недолго.

Глаза начинает щипать. Моргаю, пытаюсь удержаться, но первая слеза все равно скатывается по щеке. Быстро стираю ее, потом еще одну, но дальше сдерживаться уже не получается.

Водитель замечает это в зеркале.

— Девушка, у меня салфетки в кармашке двери лежат, если нужно.

Прикрываю глаза.

Как же стыдно.

— Спасибо.

Достаю салфетку и пытаюсь привести лицо в порядок.

— Извините.

— Да за что извиняться? — усмехается мужчина. — Если бы после каждой женщины, которая плакала у меня в машине, мне давали по тысяче рублей, я бы уже на пенсию ушел.

Несмотря ни на что, у меня вырывается тихий смешок.

— Тогда у вас была бы очень богатая жизнь.

— Это точно.

Больше он ничего не говорит, и я снова остаюсь наедине со своими мыслями.

Прижимаюсь виском к холодному стеклу и наконец позволяю себе плакать. Не красиво, как показывают в фильмах, а размазывая тушь по щекам и постоянно вытирая лицо салфеткой. Потому что больно. Еще недавно мне казалось, что

этот вечер я буду вспоминать с улыбкой, а теперь хочется выкинуть его из головы вместе со словами Кирилла.

К дому мы подъезжаем примерно через сорок минут, как и обещал таксист. Я расплачиваюсь, убираю телефон в сумку и уже собираюсь открыть дверь, когда слышу его голос:

— Девушка, не забывайте, что за черной полосой всегда идет белая.

Оборачиваюсь и встречаюсь с ним взглядом через зеркало заднего вида.

— Спасибо. Надеюсь, белая наступит очень скоро.

— Уверен, — улыбается он.

Киваю ему на прощание и выхожу из машины.

Дома темно и тихо. Мама уже спит, Сашка у себя, и эта тишина сейчас давит сильнее обычного. После папиной смерти дом вообще стал каким-то чужим. Слишком большим для нас двоих. Иногда даже возвращаться сюда не хочется, потому что слишком многое напоминает, каким он был раньше.

Захожу в свою комнату, тихо закрываю дверь и остаюсь стоять в темноте. Потом стягиваю с себя это чертово платье, бросаю его на кресло, скидываю каблуки возле кровати и наконец выдыхаю.

И тут замечаю браслет на запястье.

Тонкая серебряная цепочка и маленькая подвеска в виде пера.

Я не снимала его с того самого дня, как Кирилл мне его подарил. Даже когда злилась на себя за эту дурацкую привя-

занность. Носила постоянно, прятала под рукавами и другими браслетами, но снять так и не смогла.

А сейчас смотреть на него невыносимо.

Сразу вспоминается, как Кирилл подарил его мне, как сегодня целовал, держал в своих руках, стал моим первым. И как потом назвал все это ошибкой.

А если бы он не понял, что я девственница? Просто закончил бы, оделся и сказал: «Спасибо, Даша, за проведенное время»?

Господи.

Пальцы сами сжимают подвеску. Резко дергаю браслет, цепочка впивается в кожу, но я тяну еще сильнее, пока тонкое звено не рвется.

Браслет падает на пол с тихим металлическим звоном.

Смотрю на него и не могу поверить, что действительно это сделала. Шесть лет берегла эту дурацкую подвеску, потому что она была связана с ним. Потому что для меня значила намного больше, чем обычный подарок.

А теперь все.

— Пошел ты, Ларионов, — шепчу в пустую комнату и тут же смахиваю слезы со щек.

Получается плохо. Чем сильнее пытаюсь остановиться, тем больше меня накрывает. Сажусь на край кровати, закрываю лицо ладонями и наконец начинаю рыдать.

Ну что, Соколова, поздравляю. Любимый мужчина стал первым, а потом назвал все ошибкой.

Шикарный день рождения.

И ведь таксист еще говорил про черную и белую полосы. Хотелось бы верить, что моя черная на этом закончилась.

Тогда я еще не знала, насколько сильно ошибалась.

Потому что совсем скоро вместо белой в моей жизни появятся две красные.

Глава 6

Д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.